

Дзыга Я. О. Продолжение «золотого века»: «Пути небесные» И. С. Шмелева и традиции русского романа. Симферополь, 2000; [Воспоминания об И. С. Шмелеве] // Шмелев И. С. Душа Родины: Рассказы и воспоминания. М., 2001; Венок Шмелеву: [сб. материалов и исследований]. М., 2001; Шешунова С. В. Образ мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна, 2002; Любоумров А. М. Духовный реализм в лит-ре Русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.

А. М. Любоумров

ШОЛОХОВ Михаил Александрович [11(24).5.1905, хутор Кружилин Донецкого округа Области Войска Донского (ныне Шолоховский р-н Ростовской обл.) — 21.2.1984, ст. Вешенская Ростовской обл.] — прозаик.

Отец, выходец из Рязанской губ., до самой смерти менял профессии, был «шибаем» (скупщиком скота), сеял хлеб на арендованной казачьей земле, служил приказчиком в коммерческом предприятии хуторского масштаба; мать — «полуказачка, полукрестьянка», служила горничной. Насильно выданная замуж за казака-атаманца Кузнецова, она оставила его, сойдясь с А. М. Шолоховым. Ш. появился на свет незаконнорожденным (отчасти об этом его автобиографический рассказ «**Нахаленок**», 1925). В 1912, после смерти Кузнецова, родители Ш. обвенчались. До этого он носил фамилию первого мужа матери, имел казачий пай земли и все казачьи привилегии. Усыновленный после смерти Кузнецова фактическим отцом, Ш. стал считаться «сыном мещанина» (т. е. «иногородним») (см.: Советские писатели: Автобиографии. М., 1959. Т. 2. С. 653; Рымко Е. Соавтор — жизнь // Лит. газ. 1985. 5 июня). В 1910, прожив в Кружилине 5 лет, Шолоховы переехали в хутор Каргин (позднее станица). С 1911 Ш. берет уроки у домашнего учителя Т. Т. Мрыхина, через год поступает в Каргинское приходское училище. В 1914 по поводу болезни глаз отец отвозит Ш. в Москву, в глазную клинику доктора Снегирева (сюда Ш. поместит потом своего героя Григория Мелехова). После излечения Ш. был определен в подготовительный класс московской гимназии им. Г. Шелапутина. В 1915 родители переводят Ш. в богучарскую гимназию. Обучение было прервано революционными событиями. Некоторое время Ш. учился во вновь открытой вешенской гимназии. Полный курс завершить не удалось (окончил только 4 класса). Детство Ш. прошло между казачьим куренем и тихим Доном, коридорами гимназий и бесконечной лазо-

М. А. Шолохов

ревой степью, военно-земледельческим укладом казацко-крестьянской жизни и бытом вольных хуторян, — детство между городом и селом на стыке мирной и военной жизни.

В годы Гражданской войны Ш. жил на территории белого казачьего правительства. «Поэты рождаются по-разному, — признавался писатель. — Я, например, родился из гражданской войны на Дону» (Михаил Александрович Шолохов. М., 1966. С. 158). Ш. оказался в самом эпицентре гражданской междоусобицы, видел белый стан изнутри. Видимо, это обстоятельство предредило выбор ракурса худож. исследования в «**Тихом Доне**»: показать не борьбу красных с белыми, а, наоборот, белых с красными. В марте 1919 он стал очевидцем трагических событий Верхне-Донского контрреволюционного восстания, вспыхнувшего в тылу Красной Армии. «С белыми никто из нашей семьи не отступал, — писал Ш., — но во время Вешенского восстания был я на территории повстанцев» (Знамя. 1987. № 10. С. 137). Начиная с 1920, «момента окончательного установления советской власти на Дону», Ш. 15-летним подростком работал учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в хуторе Латышеве (февр.—сент. 1920), служащим в станичном ревкоме, счетоводом, канцелярским работником, журналистом. С 1920 долго служил подработником. «Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами». Писал агитационные пьесы, которые ставились

на сцене каргинского народного дома. Осенью 1920 попал в плен к Махно и лишь по счастливой случайности остался в живых. В мае 1922 окончил краткосрочные курсы продовольственной инспектуры в Ростове, был направлен в ст. Букановскую. «Я работал в жесткие годы, 1921–1922 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти...» (Московские новости. 1987. № 28. 12 июня). Действия Ш. по сбору налога в чрезвычайной обстановке были истолкованы как «попустительство» («превышение власти»). Он был приговорен к расстрелу, который потом заменили условным сроком наказания (Русская лит.-ра. 1985. № 4. С. 196). Трибунал принял во внимание несовершеннолетие Ш. «Два дня ждал смерти ...А потом пришли и выпустили... Жить очень хотелось...» (Огонек. 1961. С. 16).

Осенью 1922 Ш. приехал в Москву с намерением поступить на рабфак. Не имевший комсомольской путевки (Ш. не был комсомольцем), он очутился в нэповской Москве в положении безработного. Регистрировался на бирже труда, несколько месяцев жил на средства, добытые трудом чернорабочего. Осенью 1923 устроился в жилуправление. С этого времени стал посещать лит. вечера и семинары группы «Молодая гвардия» на Покровке. Знакомится с А. Веселым, Ю. Либединским, М. Светловым, Г. Шубиным, М. Колосовым, В. Кудашевым. Начало лит. деятельности Ш. связано с публицистическими жанрами. «Пробой пера» явились фельетоны «Испытание», «Три», «Ревизор», опубликованные (за подписью М. Шолох) в газ. «Юношеская правда» (после смерти Ленина — «Молодой ленинец»). Они стоят в преддверии «Донских рассказов». Публицистика не стала определяющим жанром в творчестве Ш. «...Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы... нет оперативности... Материал действительности мне представляется в ином виде... у меня потребность изобразить явление в более широких связях — написать так, чтобы рассказанное вызывало в читателе думу. По этой причине <...> в начале своей литературной работы перешел от фельетона и очерка к рассказу» (Цит по: Лежнев И.— С. 383).

В конце 1923 Ш. возвращается на Дон. 11 янв. 1924 он венчается с М. П. Громославской, возвращается в Москву. С этого времени лит.-ра становится его профессией. «Настоящая тяга к литературной работе появилась в Москве в 1923 году, когда писа-

лись первые рассказы из донской жизни» (Известия. 1940. 12 июня). Первый рассказ Ш. «Звери» (позднее опубликован под названием «Продкомиссар»), присланный в редакцию альм. «Молодогвардеец», встретил непонимание: «ни нашим, ни вашим». 14 дек. 1924 в газ. «Молодой ленинец» появился рассказ Ш. «Родинка», явившийся прологом донского цикла. Вслед за ним выходят «Продкомиссар», «Пастух», «Илюха», «Жеребенок», «Лазоревая степь», «Семейный человек», «Смертный враг», «Двухмужняя» и др. Почти все они были напечатаны в комсомольской периодике в 1923–25 («Молодой ленинец», «Комсомолия», «Журнал крестьянской молодежи», «Смена» и др.). Рассказы были своеобразным ответом на спор в лит.-ре «о мужике», путях развития перестраивающейся деревни. Ш. объединил их в 3 сб.— «Донские рассказы», «Лазоревая степь» (оба — 1926) и «О Колчаке, крапиве и прочем» (1927). В 1931 они составили итоговый сб.— «Лазоревая степь. Донские рассказы. 1923–1925». Выход первого сб. («Донские рассказы») приветствовал А. Серафимович, написавший к нему напутственное вступление. «Лично я,— признавался Ш.,— по-настоящему обязан А. Серафимовичу, ибо он первый поддержал меня в самом начале моей писательской деятельности, он первый сказал мне слово признания» (Известия. 1938. 18 янв.). Крестьянско-казацкий мир в «Донских рассказах» предстает в состоянии социального и семейного раскола. Сюжетно-композиционным лейтмотивом рассказов становится противоборство между «отцами» и «детьми», красными и белыми, казаками и «иностранцами». Человек у Ш. поставлен в нравственную коллизию выбора, пытается соединить полярные стихии жизни — кровное и социальное. Именно здесь открылся в творчестве Ш. «гуманизм непривычного масштаба» (Палиевский П. Мировое значение М. Шолохова // Лит.-ра и теория. М., 1979. С. 275), некая шолоховская «философская доминанта».

Во время работы над «Донскими рассказами» Ш. задумал большое произведение о сложных путях казачества в революции. Покинув Москву, он возвращается на родину и осенью 1925 приступает к работе. Первоначально роман назывался «Донщина» и мыслился как произведение о корниловском мятеже, участии казаков в походе на Петроград. Написав несколько печатных листов, Ш. отложил написанное, начал «Тихий Дон» (таким, каков он есть) с описания каза-

чьего дореволюционного быта. В центре повествования появляется фигура Григория Мелехова (первоначально именовался Абрамом Ермаковым). 1-я книга романа была написана к весне 1927, 2-я — к осени (в нее вошли фрагменты «Донщины»). 1-я книга «Тихого Дона» была опубликована при поддержке А. Серафимовича в ж. «Октябрь» за 1928 г. (№ 1–4), 2-я книга — в № 5–10 за этот же год. Роман получил высокую оценку. «Еще не законченный роман Шолохова „Тихий Дон“ — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен», — писал А. Луначарский (Красная панорама. Л., 1929. № 1. С. 5). «Шолохов, — судя по первому тому, — замечал М. Горький, — талантлив... Очень анафемски талантлива Русь» (Новый мир. 1937. № 6. С. 19).

Весной 1929 распространились слухи о плагиате. Шолохов обращается за поддержкой к друзьям, прежде всего к А. Серафимовичу. Он привозит в Москву черновые рукописи, подготовительные материалы к роману и предьявляет их для ознакомления комиссии. После разбирательства в газ. «Рабочая трибуна» (1929. 24 апр.), а также в «Правде» (1929. 29 апр.) появляется заявление, подписанное пятью членами комиссии (Серафимович, Авербах, Киршон, Фадеев, Ставский), что слухи являются ложью и клеветой на Ш. Осенью 1929 после статьи Н. Прокофьева в «Большевистской смене» (1929) его обвиняют в аполитичности и пособничестве кулакам. В начале 1930, когда вышел сб. памяти Л. Андреева «Реквием» (в письме, опубликованном здесь, от 3 сент. 1917 Л. Андреев сообщал С. С. Голоушеву, что забрал его путевые очерки «Тихий Дон»), слухи о плагиате возобновились с новой силой. «Я прошу Вашего совета: что мне делать? — писал Ш. Серафимовичу 1 апр. 1930. — И надо ли мне и как доказывать, что мой „Тихий Дон“ — мой? ...Горячая у меня пора. Сейчас кончю III кн<игу>, а работе такая обстановка не способствует. У меня руки отваливаются и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов» (ЦГАЛИ. Ф. 458).

В 1929–31 Ш. продолжал работать над 3-й, главной книгой в структуре эпопеи. Печатание ее было приостановлено в 1929 Ш. предлагались сокращения и исправления, совершенно для него неприемлемые. Некоторые ортодоксальные вожди РАПП обвинили

его в оправдании Верхне-Донского восстания в третьей книге. Стремясь выявить истинные причины Верхне-Донского восстания, Ш. обращается с письмом к Горькому: «Своевременно ли писать об этих вещах?» События начавшейся коллективизации убеждали в следующем: «...вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять перед нами и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции, — писал Ш. Горькому. — Прошлогодня история с коллективизацией и с перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 года, подтверждает это» (ЛН. Т. 70. М., 1963. С. 697). Ш. вынужден был разъяснять свою позицию по отношению к Григорию Мелехову: «...Григорий Мелехов, в моем мнении, является своеобразным символом середнякаго донского казачества... не один Григорий Мелехов и не десятки Григориев Мелеховых шатались до 1920 года, пока этим шатаниям не был положен предел. Я беру Григория таким, каков он есть, таким он был на самом деле... от исторической правды мне отходить не хочется» (На лит. посту. 1929. № 7. С. 44).

В ходе работы над 3-й книгой «Тихого Дона» у Ш. возникает замысел «**Поднятой целины**», где также был поставлен исторический вопрос об отношении к среднему крестьянству. Осенью 1930 Ш. приезжает в ст. Усть-Медведицкую к А. Серафимовичу. Зимой 1930 он получает приглашение Горького посетить Сорренто, выезжает туда в сопровождении А. Веселого и В. Кудашева. Не дождавшись в Берлине визы, Ш. возвращается в Вешенскую, принимает участие в коллективизации в Северо-Кавказском крае. В мае 1931 он пишет для «Правды» очерк «**По правобережью Дона**». В нем узнаются голоса будущих героев «Поднятой целины». В июне 1931 состоялась встреча Ш. с И. В. Сталиным на даче Горького под Москвой, на которой решилась судьба 3-й книги «Тихого Дона» (см.: Прийма К. И. — С. 147–149). Книга пошла в печать. В янв. 1932 завершается публикация 3-й книги романа, одновременно с ней в ж. «Новый мир» Ш. публикует 1-ю книгу «Поднятой целины» (Новый мир. 1932. № 1–9). Версия о том, что книга о коллективизации явилась «сталинским заказом» (см.: Новый мир. 1988. № 9) в обмен на пропуск в печать книги о Верхне-Донском восстании, не имеет документального обоснования.

В 1932 Ш. вступает в ВКП(б), работает над 2-й книгой романа о коллективизации, однако от работы его отвлекают чрезвычай-

ные события в крае. Он принимает участие в борьбе с грубыми нарушениями в колхозном строительстве, обращается с письмом к И. В. Сталину «расследовать не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над советской властью, но и дела тех, чья рука направляла эти действия». В борьбе с перегибами Ш. проявил подлинное гражданское мужество.

В 1934 Ш. совершил поездку по странам Европы, побывал в Швеции, Дании, Англии, Франции. В 1937 он избирается депутатом Верховного Совета СССР, в 1939 — действительным членом АН СССР. Писатель выступал против надвигавшейся угрозы фашизма.

Стремясь завершить 4-ю книгу «Тихого Дона», Ш. оставляет работу над 2-й книгой «Поднятой целины». Внимание писателя сосредоточено на судьбе Григория Мелехова: «У Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нем я никак не пытаюсь олицетворять средняцкое казачество. От белых я его, конечно, оторву, но и в большевика превращать не буду. Не большевик он!» (Известия. 1935. 10 марта). «Отрывая» героя от белых, Ш. выдвигает на первый план враждебное отношение героя к офицерству, ненависть к белым генералам и интервентам, сыновнюю любовь к родине, его человечность. Весной 1940 последняя, завершающая часть эпопеи была напечатана в двоярном номере «Нового мира». Ш. была присуждена Сталинская премия 1-й степени за роман «Тихий Дон».

Основное внимание в романе-эпопее «Тихий Дон» уделено изображению казачества, наряду с этим в нем дана широкая панорама народной жизни. Ш. изображает действительных участников исторических событий тех лет (Иван Лагутин, Федор Подтелков, Михаил Кривошлыков и др.). Основные герои романа — вымышленные (семья Мелеховых, Астаховых, Коршуновых, Листницких), как вымышлен и сам хутор Татарский. Ш. развенчивает традиционное представление о казачестве как об однородной реакционной силе, на которую опиралось самодержавие. Мелеховы, Астаховы, Кошевые — это хлеборобы-труженики. Казачество раскрывается в эпопее многогранно — в быту, в семье, в грандиозных исторических событиях века. Первая мировая война изображена Ш. как страшное народное бедствие, рисуются ужасы войны, картины массовой гибели людей, запустения. Ш. показал, что мировая война усилила социальные разногласия людей. Одним из центральных эпизодов романа стала расправа с экспедицией Подтелкова и Верхне-Донское восстание. Они осмысля-

ются как трагические события Гражданской войны на Дону. Активными участниками всех событий в романе выступают коммунисты (Штокман, Бунчук, Котляров, Кошевой). В «Тихом Доне» видное место занимают женские характеры (Ильинична, Аксинья, Наталья, Дарья, Дуняшка, Анна Погудко и др.). Они представлены в романе тремя поколениями. В галерее народных характеров эпопеи наиболее притягательным, отражающим сложность, противоречивость исканий казачьей массы, является Григорий Мелехов. Некоторые критики увидели в его судьбе трагедию человека, оторвавшегося от народа и ставшего отщепенцем; другие считали, что его трагедия есть трагедия исторического заблуждения. Но подобные трактовки упрощают роман. Образ Григория Мелехова — крупнейшее худож. открытие XX в. Ш. наделил своего героя поразительным человеческим «очарованием», он открыл в нем неведомые лит-ре духовные глубины. Григорий Мелехов предстал перед читателем как одно из лучших воплощений мировой жизни. В своих метаниях от одного политического лагеря к другому Мелехов старается найти ту правду, которая ближе народу, которая отвечает зову земли, зову жизни. Одним из самых драматических эпизодов является участие Григория в Верхне-Донском восстании, где он становится командиром повстанцев. Оказавшись в эпицентре сложнейших политических событий XX в., Мелехов потерял почти все, чем жил (дом, любовь, семья, труд на земле, лучшие годы своей жизни). В финале романа Григорий Мелехов возвращается к своему порушенному Гражданской войной дому, видит маленького сына, — а перед его глазами встает ослепительно сияющий черный диск солнца. Это было предзнаменование тяжелой грядущей судьбы. Писатель оставил Григория Мелехова на пороге новых жизненных испытаний.

Эпос и трагедия органически сливаются в шолоховском повествовании. В 1965 за роман-эпопею «Тихий Дон» Ш. была присуждена Нобелевская премия.

Роман «Поднятая целина» (первоначальное название «С потом и кровью») — о судьбах народа в годы коллективизации. Первая книга была опубликована в 1932. Рукопись 2-й книги была утрачена в годы войны вместе с обширным архивом писателя. Ш. пришлось писать ее «заново и по-новому» — с 1951 по 1960. Процесс ломки крестьянского сознания в книге показан как сложный и болезненный процесс. В 1-й книге рассказана история организации колхоза в хуторе Гремячий Луг,

показаны трудности перехода крестьян к новой жизни. Одна из главных проблем книги — отношение человека к собственности, к колхозному труду. 1-я книга построена на конкретно-исторических фактах эпохи (собрания бедноты и актива, раскулачивание, обобществление скота, птицы, собирание семенных фондов и т. п.). Композиционно-стилевое своеобразие 1-й книги определено контрастными сопоставлениями дня и ночи, переходом природы к весне, совпавшим с движением крестьян в колхоз. Сюжетное действие 2-й книги романа предстает иным, оно развивается медленно. Автор сосредоточен преимущественно на раскрытии внутреннего мира героев. Отсюда множество вставных новелл, в которых герои сами рассказывают о себе (исповедь Ивана Аржанова, преподанный им урок Давыдову о «человеческой чудинке»; беседа Шалого с Давыдовым, Нестеренко с Давыдовым). Повышенное внимание уделено интимной жизни персонажей (Давыдов — Лушка — Варя Харламова, Нагульнов — Лушка и др.).

Во 2-й книге «Поднятой целины» Ш. раскрывал мироощущение своих героев уже с позиции тех десятилетий, которые были прожиты Россией после осуществления коллективизации.

При всем том, что сюжет «Поднятой целины» (и 1-й, и 2-й книги) вел героев через все трудности и жертвы к принятию коллективизации, Ш. не скрывал того горького несчастья, в которое так или иначе оказались погружены герои романа. Неуютные, страдальческие судьбы сопровождают по сути всех героев «Поднятой целины». Успех коллективизации оборачивался тоскливой человеческой неустроенностью. В таком повороте событий раскрывалась, надо полагать, самая существенная сторона содержания романа.

Особенностью шолоховского повествования является сочетание эпичности с лиризмом, драматизма с юмором (образ деда Щукаря и др.). Юмор вкрапляется в наиболее драматические ситуации.

На второй день войны Ш. перечислил свою премию за роман «Тихий Дон» в Фонд обороны страны. В июле 1941 Ш., полковой комиссар запаса, был призван в армию, направлен на фронт, работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте. С первых дней войны писал статьи, очерки о неразрывности фронта и тыла («На Дону», «В казачьих колхозах», оба — 1941), о трудной борьбе со-

ветских людей с фашизмом («По пути к фронту», «Первые встречи», «Люди Красной Армии», «На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные» — все 1941). Очерки Ш. не только показывали военные события, рисовали портреты героев войны, но были своеобразной подготовкой писателя к большой прозе. Особое место среди произведений периода Великой Отечественной войны занимает рассказ «Наука ненависти» (1942). В образе лейтенанта Герасимова воплощены лучшие черты воюющего народа («И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются»). Рассказ «Наука ненависти» явился ступенью к роману «Они сражались за родину». Главы романа печатались в мае 1943 на страницах «Правды». Они вводили читателя в атмосферу фронтовых будней, напряженных боев летнего отступления на втором году великой войны. Герои этого незавершенного произведения — рядовые солдаты: Стрельцов, Лопалин, Звягинцев, их боевые товарищи, испытывающие горечь поражений. Со страниц произведения встает коллективный образ воюющего народа.

Рассказ «Судьба человека» (1957) — одно из лучших произведений Ш., созданных им в послевоенный период. В образе Андрея Соколова сосредоточены лучшие черты русского национального характера. По жанру «Судьба человека» предстает как рассказ в рассказе. Повествование обрамлено авторским зачином и краткой концовкой. Авторский зачин носит черты эпического повествования, концовка являет собой лирическое отступление, в котором автор подчеркивает свою причастность к судьбе героев. В любви к мальчику-сироте Андрей Соколов нашел преодоление своей личной трагедии.

В послевоенные годы Ш. вернулся к работе над романом «Они сражались за родину». Встреча с генералом Лукиным, человеком трагической судьбы, внесла в замысел существенные коррективы. Ш. вводил новый материал и новых персонажей, раздвигал временные рамки. Однако так и не завершил это произведение. Рукопись романа писатель сжег незадолго до смерти.

С конца 1970-х состояние здоровья Ш. ухудшалось. Писатель почти уже не покидал своего дома в станице Вешенской. Он скончался 21 февр. 1984. Похоронен у своего дома, на крутом берегу Дона.

Проблема авторства «Тихого Дона», интерес к которой был реанимирован книгой

И. Медведевой-Томашевской (с предисл. и послесл. А. Солженицына) (Париж, 1974), все яснее обнаруживает свою несостоятельность. Опубликованные Л. Е. Колодным рукописи 1-й и 2-й книг романа, считавшиеся утраченными (см.: Колодный Л. Кто написал «Тихий Дон». Хроника одного поиска. М., 1995), а также разрозненные страницы 3-й и 4-й книг, изданные Пушкинским Домом (см.: Рукописи «Тихого Дона» в Пушкинском Доме / публ., вступ. статья, комм. В. Н. Запелалова // Из творческого наследия русских писателей XX века. СПб., 1995), впервые предоставляют читателю возможность достаточно полно познакомиться с истинной творческой историей романа «Тихий Дон».

Соч.: СС: в 9 т. М., 1965; СС: в 9 т. М., 1980; СС: в 9 т. / сост., предисл., прим. В. Васильева. М., 2001–02; Россия в сердце: сб.: рассказы, очерки, публицистика. М., 1975; Слово о Родине / сост. и автор предисл. А. И. Хватов; М., 1980; Они сражались за Родину: главы из романа / вступ. статья С. М. Шолоховой. М.: Раритет, 1995; Поднятая целина: роман: в 2 кн. / сост., подг. текста, варианты, прим., статьи Ю. А. Дворяшина: [науч. изд.]. Екатеринбург, 2001; Письма. М., 2003.

Лит.: Лежнев И. Путь Шолохова. М., 1958; Гура В. В., Абрамов Ф. А. Семинарий. Л., 1962; Бритиков А. Ф. Мастерство М. Шолохова. М.; Л., 1964; Гуманизм художника: К семидесятилетию со дня рождения М. А. Шолохова: сб. статей. Ставрополь, 1975; Горелов А. А. Народность художника // Русская лит-ра. 1975. № 3; Творчество Михаила Шолохова: Статьи, сообщения, библиография / ред. Ковалев В. А. и Хватов А. И. Л., 1975; Метченко А. И. Шолохов в совр. мире. Л., 1977; Якименко Л. Творчество М. Шолохова. М., 1977; Хватов А. И. Худож. мир Шолохова. М., 1978; Палиевский П. Мировое значение М. Шолохова // Лит-ра и теория. М., 1979. С. 272–285; Бирюков Ф. Г. Худож. открытия Михаила Шолохова. М., 1980; Прийма К. И. С веком наравне: Статьи о творчестве М. А. Шолохова. Ростов н/Д., 1981; Прийма К. И. «Тихий Дон» сражается. Ростов н/Д., 1983; Колодный Л. «С любовью вспоминаю Москву»: Шолоховские адреса столицы // Москва. 1985. № 5. С. 196–204; Литвинов В. М. Михаил Шолохов. Изд. 2-е, доп. М., 1985; Воронов В. Юность Шолохова (страницы биографии писателя). Ростов н/Д., 1985; Петелин В. В. Михаил Шолохов: Страницы жизни и творчества. М., 1986; Немиров Ю. Тбилисская находка. Ростов н/Д., 1986; Роетика Стваралаштва Михаила Шолохова. Нови Сад, 1986; Гура В. Как создавался «Тихий Дон»: Творческая история романа М. Шолохова. М., 1989; Хьетсо Г., Густавсон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон». М., 1989; Литвинов В. М. Вокруг Шолохова. М., 1991; Сиволова Г. Я. Рассказы о прототипах. Ростов н/Д., 1991; Шолоховские чтения («Поднятая целина»). Ростов н/Д., 1995; Шолохов на изломе времени: [сб. статей]. М., 1995; Осипов В. О. Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без ле-

генд. М., 1995; Загадки и тайны «Тихого Дона» (Итоги независимых исследований текста романа. 1974–1994). Т. 1. Самара, 1996; Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931–1950 годы: сб. документов из личного архива И. В. Сталина / сост. Ю. Мулин. М., 1997; Глушков Н. И. Реализм М. Шолохова. Ростов н/Д., 1997; Палиевский П. Шолохов и Булгаков. Изд. 2-е, доп. М., 1999; Колодный Л. Как я нашел «Тихий Дон». М., 2000; Корсунов Николай. С Шолоховым: Встречи, беседы, переписка. Оренбург, 2000; Ермолаев Г. С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000; Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России: сб. статей. Ростов н/Д., 2000; Венков А. В. «Тихий Дон». Источниковедческая база и проблема авторства. Ростов н/Д., 2000; Запелалов В. Взрывная судьба «Тихого Дона». Рукопись величайшего романа XX века водворена в гос. хранилище // Чудеса и приключения. 2000. № 5; Макаров А. Г., Макарова С. Э. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона». От Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001; Петелин В. В. Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. М., 2002; Правда и ложь о М. А. Шолохове. Ростов н/Д., 2002; Журавлева А. А., Крылов О. Ю. Михаил Шолохов. Очерк жизни и творчества. М., 2003; Корниенко Н. В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов. М., 2003; Шолохов и Русское зарубежье / сост., вступ. статья, прим., именной указ. В. В. Васильева. М., 2003; Хроника жизни и творчества М. А. Шолохова / сост. Н. Т. Кузнецова. М., 2004; Кузнецов Ф. Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005; Михаил Шолохов в воспоминаниях, письмах и статьях современников / сост. В. В. Петелин. Кн. первая. 1905–1941. Кн. вторая. 1941–1984. М., 2005; Осипов В. О. Шолохов. М., 2005. (ЖЗЛ); М. А. Шолохов. Биобибл. указ. М., 2005; Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005.

В. Н. Запелалов

ШОШИН Владислав Андреевич [30.5.1930, Ленинград] — поэт, литературовед.

Пережил ленинградскую блокаду. На войне погибли отец и близкие будущего поэта, поэтому тема войны, блокады проходит через все его творчество. Первое выступление в печати состоялось в 1946 с одобрения поэта Петра Ойфы в газ. «Ленинские искры». В 1948 с золотой медалью окончил школу, в 1953 — филол. ф-т ЛГУ, после чего был направлен в аспирантуру Пушкинского Дома.

Первый сб. стихов «**Песни в пути**» вышел в 1955 и вызвал положительные отклики В. Рождественского, В. Саянова, М. Дудина, В. Торопыгина, Е. И. Наумова, А. Л. Дымшица, П. С. Выходцева. «Шошин весь в обаянии лирики, — писал в 1955 А. Прокофьев, — весь в восхищении перед красотой открывшейся его взору русской природы, перед путями, на которые зовут юность, молодость, родные